

беспризорников, веря в то, что театр — гениальное структурирующее и изменяющее пространство.

Я туда пришел, и оказалось, что там много таких, как я. А вместе переживать намного легче. Задним числом я могу точно сказать, что меня это во многом спасло. Такое «спасение» должно быть у каждого. Естественно, свое.

О родительских страхах

Родительское дело — бояться. Если взрослые отдадут себе отчет в том, что они боятся, это станет первым шагом к пониманию, что дело в них. И что мучить из собственного страха другого человека — это как минимум неприлично. Бояться и понимать, что я боюсь, — дело хорошее.

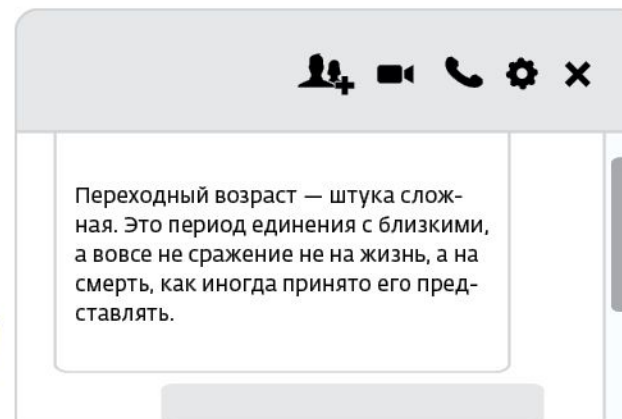
Ни в коем случае нельзя шпионить: читать личные дневники, переписку, копаться в вещах. Это точно предательство. Объявление войны. Что вы потом будете делать? Просить прощения всю жизнь? А главное, это ничего не дает.

Надо помнить, что я сделать уже ничего не могу. В десять мог, в четырнадцать уже нет. Что мне остается? Только встать на его сторону. Только оттуда я могу получить доступ к влиянию: взаимодействовать, спорить, убеждать.

Допустим, мой четырнадцатилетний сын или моя дочь поздно приходят вечером, и у нас настолько потерян контакт, что я не знаю, где он и с кем. Я могу запретить ему поздно приходить, и мы понимаем, что будет после запрета: скандал и ломка отношений. Альтернатива: признать, что я боюсь. Я лежу в кровати и боюсь, и жду, когда он придет, и засыпаю, только когда слышу, что хлопнула входная дверь. Это родительство, ничего с этим не поделаешь.

Я могу сказать ему о том, что я боюсь, рассказать, что чувствую. Могу попросить его приходить не поздно, звонить мне. Потому что это нормально —

просить любимого человека что-то сделать для нас, особенно если мы тоже что-то делаем для него.

И самые замечательные родители, перепутав первое со вторым, могут запросто испортить отношения со своими детьми. Причем надолго.

Никогда не поздно начать. Если вы потеряли связь и доверие, просто вернитесь к тому, о чем мы говорили выше. И чудесных вам приключений переходного возраста!

**#ДЕТИ☺ #СЕМЬЯ🏠 #ПОДРОСТКИ👧
#ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ☺ #ВОСПИТАНИЕ👤
#ПЕДАГОГИКА📖**

Убить ребенка

«Нервы женщины не выдержали, когда ребенок не смог справиться с одним из заданий». И мама убила своего семилетнего сына. Вот так.

Дикая трагедия. Но помимо самого несчастья поражает формулировка в заметке: «нервы женщины не выдержали». Как будто с ней происходило что-то ужасное, экстраординарное. И как будто читателю должна быть понятна эта ситуация. Эти нервные затраты представляются совершенно естественными. Как же иначе? Ведь нужно делать домашнее задание, нужно воспитывать.

Эту маму мы... нет, не оправдываем, конечно, но все-таки немного понимаем. Она ведь выполняла свой родительский долг, да, немного переусердствовала, но все-таки. А детей этих мы знаем — просто бестолочи... Ей самой всего двадцать восемь. Она совсем молодая. Но «нервы не выдержали».

В этом кошмаре все одновременно значимо, символично и понятно. Злосчастная мать не сама придумала, что делать уроки ТАК важно. Что это важнее самой жизни. Ее долго-долго этому учили. И эта «норма» оказалось вбитой намертво. А дальше норма так же намертво столкнулась с простой житейской ситуацией. Раз «так надо», а сын не справляется, — значит, не справляется она. А ее учили справляться. И она справилась. Очередная жизнь была положена на алтарь общественных представлений.

«В этом возрасте дробь должны у них от зубов отскакивать», — запальчиво говорит учительница математики об учениках четвертого класса. «Потому что...» — осторожно продолжаю я, ожидая хоть какого-то рационального обоснования. Ответ получаю стремительно-однозначный: «Без потому что, должны — и все!»

А раз «без потому что», думать не приходится. Надо — и все тут! **НАДО!** Значит, любые средства оправданы. Ну, или почти любые. Убивать, конечно, это слишком. А бить? А унижать? А пугать наказанием?

Сколько раз, задавая учителям и родителям вопрос о необходимости того или иного школьного материала, да и вообще образовательного действия, я сталкиваюсь с самым настоящим страхом. Как будто сама постановка вопроса разрушает вековые основы мироздания. «Зачем учить Пушкина?» — «Как зачем, как зачем?! — возбужденно кипятятся взрослые. — Как можно задавать такие вопросы?!»

Те самые взрослые, помнящие процентов семь школьной программы. Хорошо, пусть не семь, а двенадцать. Ладно, ради самых талантливых еще накину: двадцать два. А дальше? Зачем все это было? Зачем мы поддерживаем этот беспредел сегодня? Зачем сами позволяем превращать себя в инструмент обслуживания институтов подавления? Как превратилась в такой институт школа — быть может, одна из самых чудесных придумок человечества? «Без потому что». Наши учителя добились поразительных результатов и передали эстафету нам.

Знаете, я часто на встречах с родителями и учителями в ответ на «Пушкин — наше все» прошу процитировать хотя бы одно пушкинское четверостишие, не связанное со школьной программой. Результат, думаю, вам хорошо известен. Уверен, вы отлично можете объяснить, почему в аудитории в двести человек (интеллигентных и образованных) поднимается три-четыре руки. Потому что учить Пушкина надо «без потому что». Что и превращает гениального поэта в инструмент подавления. Для большинства — навсегда.

Недавно я предложил детям (4–5-й класс) один из недельных уроков литературы целиком посвящать

стихам, которые выбрали они сами. И вот уже больше месяца мы вместе наслаждаемся стихами Бродского, Фета, Пушкина, Есенина, Бернса, Цветаевой, Лермонтова... Которые они выбирают, с легкостью и удовольствием учат наизусть и радостно несут на урок, чтобы поделиться друг с другом замечательными открытиями. А знаете, почему так происходит? Просто потому что «с потому что». Их выбор, их радость, их наслаждение.

Иногда мне кажется, что система скрипит и раскачивается, что она вот-вот рухнет. Но мы сами и спасаем ее, как будто протягиваем руку утопающему бандиту, который только затем и хочет спастись, чтобы нас же ограбить и убить.

Вот и продолжаем мы обслуживать эту систему, зная, что все тщета, помня со школьных времен, что домашнее задание — одно из самых скучных занятий в мире (о важности которого, впрочем, взрослые слагают лживые легенды), понимая, что зависимость между личным счастьем и дробями, отскакивающими от зубов, стремится к нулю, осознавая, что несем горе своим близким. И нервы наши напряжены все больше и больше. Они на пределе. Но систему мы не предадим.

Убийство ребенка — это очень страшно. Но что мы можем сказать, а тем более поделаться?.. Одни равнодушно пройдут мимо: «Это ведь не про нас, мы не убиваем детей», другие вскинут бровь: «Это, конечно, ужасно, но ведь их действительно нужно заставлять, без этого они не сдвинутся с места», третьи объявят мать сумасшедшей, четвертые сочувственно кивнут: «Да, система ужасна, но другой-то ведь нет».

И все мы вернемся к ежедневной рутине. До следующего раза.

#ДЕТИ #ШКОЛА #ПЕДАГОГИКА
#ОБЩЕСТВО

Мы их теряем

Мне очень страшно. Я боюсь писать об этом — о детских самоубийствах. Вернее, о провоцировании детских самоубийств. Вернее, о том, в какую нескончаемую бездну мы летим... Я ловлю в позвоночнике липкий страх, но понимаю, что нужно написать, даже если придется силой себя заставить. Хотя бы для того, чтобы самому сформулировать и осознать, в какой пропасти мы оказались.

Если ваша позиция: «Это слишком страшно и больно, поэтому говорить об этом не следует» — прошу вас, просто пропустите эту главу. Нет сил бесконечно читать холодные размышления о том, что лучше помолчать, склонить голову, оставить все как есть. Что все само собой обойдется. Ничего не обойдется! Будет все хуже и хуже. Взрослость — это умение взять себя в руки, говорить и делать. Даже когда цепенеешь от ужаса...

Очередное страшное настигло нас. Наши дети в опасности. И мы вместе с ними. Мы узнали о целой сети, провоцирующей самоубийства. И поднялся... нет, даже не крик, а вой в сети: «Родители должны контролировать каждый шаг ребенка, это и есть родительство! Душевное состояние ребенка — ответственность учителя! Запретить детям пользоваться интернетом!»

Накал страстей воистину величайший. И мне кажется, происходит это оттого, что мы, взрослые, снова не знаем, что делать. Мы стоим на пороге этой действительности, боясь перешагнуть порог, боясь заглянуть внутрь, а между тем обратно уже не вернуться никак...

Меньше всего мне хочется, чтобы мои слова звучали как обвинение конкретным взрослым, пострадавшим и несчастным. Пусть будет благословенна память всех жертв этих трагедий, всех, кто попал в беду. Но я считаю, что мы обязаны об этом говорить, поскольку, как в настоящей классической трагедии, в словах «героев» заключены серьезнейшие намеки.

Напомню фразу, которую говорит учительница в интервью: «Вы понимаете, что мы ее теряем?» Слова эти намного более жуткие и значимые, чем кажутся на первый взгляд. И далее: «Могла ли она что-то знать? Или это роковое совпадение?» Нет, это вовсе не совпадение. Но при этом, я уверен, учительница ничего не знала. Совсем ничего. Вы что, не знакомы с такой формулировкой? Я слышал именно эти слова не от одного и не от двух учителей. «Мы его (ее) теряем» — всего лишь учительский эвфемизм, означающий, что ученик начинает жить не по лекалам, предложенным взрослым миром. Помните, дальше в статье: «У девочки в последнее время появились тройки и двойки». Вот оно! Думаю, ничего не знала несчастная учительница, не подозревала о беде, в которой оказалась ее ученица. И фраза эта — одна из самых расхожих в школе. Хотя и скрывается в ней страшная правда. О нас.

Подумайте, кто эти «мы», которые теряют ребенка? А я подскажу: это взрослые. Учительница как будто априори находится в сговоре с мамой. И со всеми нами. (Мы!) Все мы, как преступники кровью, повязаны одним пониманием того, как надо жить. Эта постановка вопроса однозначно предполагает, что учительница и мама знают, как нужно и должно. А девочка... а откуда ей это знать?.. Мы ее теряем... Она исправила оценку... Нет, это не мы их теряем, это они теряют нас. И находят других.

В одной из статей-реакций читаю: «Подростки так легко на все ведутся...» И мы снова «проска-

киваем» эту формулировку. А ведь сама постановка вопроса дает ответ. Она провоцирующая дискриминационна. Подростки, значит, ведутся? А взрослые не легко ведутся? Те, кто отдает все деньги обманщику, верит каждому слову в популярной телепередаче? И при этом говорит о себе: «Мы опытные, мы знаем жизнь...»

Происходящее похоже на артподготовку перед введением антидетских дискриминационных законов. Законов, окончательно ограничивающих их права и возможности. Как же, они ведь ничего не смыслят... Мы должны их спасти...

Опять «спасти». Мы, с трудом понимающие, как устроен современный виртуальный (и не только виртуальный) мир, будем спасать. Мы, забывшие о том, что такое подростковые проблемы, давно не подозревающие, как тяжело бывает жить в пятнадцать лет, вычеркнувшие или загнавшие в глубокое подсознание боль предательства и одиночества. И сами «подсадившие» их на идею, что мир вокруг глубоко враждебен... Спасти детей. И спасти опять будут те самые взрослые, которые их туда загнали. Как будто вот-вот будут созданы специальные бригады по оказанию помощи детям... Сейчас мы им поможем. Поймаем — и поможем как следует...

И опять, рефреном, «контролировать каждый шаг, ограничить возраст входа в интернет». Не просить у детей позволения войти в их мир, не ограничить произвол системы образования, не отбросить все и заняться наконец реформой взрослого мира, который доводит детей до самоубийств. Не задавать себе снова и снова вопрос, как повернуться лицом к нашим самым близким, не разрешить родителям и учителям быть людьми... А вместо этого снова ограничить право детей быть людьми. Вот такое извращение...